

1. Хюбнер Б. Моя чужість / нездужання щодо культурології: рефлексія з іншої (західної) точки зору / Бенно Хюбнер; [пер. з англ. Є. Більченко] // Культурологічна думка. 2011. № 4. С. 11–13.
2. Гончар О. В Україні пройшов другий культурологічний конгрес [електронний ресурс] / Ольга Гончар. Сайт URL: <http://lovi-moment.com.ua/novyny-vnz/npu/11735-2011-11-15-18-25-06.html>.
3. Евтушенко Е.А. Голубь в Сантьяго: (повесть в стихах) / Евгений Александрович Евтушенко // Евтушенко Е.А. Сварка взрывом: стихотворения и поэмы. М.: Моск. рабочий, 1980. С. 110-169.
4. Пастернак Б. Избранное: в 2 т. / Борис Пастернак. СПб.: Изд-во «Кристалл», 1999. Т. 2: Доктор Живаго: Роман.
5. Культурология как наука: за и против // Вопросы философии. 2008. № 11. С. 3–32.

А.А. Павильч

**Парадигма компаративных исследований в культурологии:
становление и опыт теоретической репрезентации**

УДК 008

Статья отражает проблемы становления компаративного знания в культурологии. Представлен историко-культурный опыт развития культурологической компаративистики, определяются основные направления компаративных исследований культуры и методологические подходы к осмыслению межкультурных различий. Соотносятся предметные области и проблемные сферы сравнительной культурологии с компаративными традициями в отраслевых гуманитарных исследованиях. Статус культурологической компаративистики определяется ее положением и ролью в системе гуманитарного знания, исследовательскими функциями, оригинальностью предмета, научных задач и проблемных направлений, целесообразностью, теоретической и практической значимостью сравнительных исследований разных аспектов культуры.

Ключевые слова: культурология, сравнительные исследования, сравнительный метод, компаративное знание, парадигма, статус, сравнение, сопоставление, межкультурные различия.

Alexander Pavilch

The paradigm of comparative research in culturology: the development and the experience of theoretical representation.

The article reflects the problems of the formation of comparative knowledge in culturology. The historical and cultural experience of the development of comparative culturology is described, the main areas of comparative cultural research and methodological ways of thinking over intercultural differences are determined. The subject domains and the problematic spheres of comparative culturology and comparative traditions in sectorized nonscientific research are compared. The status of comparative culturology is defined by its position and role in the system of nonscientific knowledge, its research functions, originality of its subject, scientific problems and problematic areas, expediency, by its theoretical and practical importance in different cultural aspects.

Keywords: culturology, comparative research, comparative method, comparative knowledge, the paradigm, the status, comparison, confrontation, intercultural differences.

Изменения формата функционирования современной культуры, выражающиеся в охвате локальных форм ее существования глобальными уровнями развития, обусловили переструктурирование областей гуманитарного и социального знания и формирование исследовательского поля культурологии, занявшей промежуточное положение в научном знании. Культурологию отождествляют с теоретическим знанием, стремящимся создать целостную репрезентацию культуры, которая, по определению Л. Уайта «объяснима только в культурологических терминах» [14, с. 74]. Столь категоричное утверждение американского антрополога было обусловлено его сомнением в возможности исчерпывающей интерпретации многогранного пространства культуры, в способности истолкования продуктов творческой деятельности и объяснения разных аспектов поведения человека усилиями и ресурсами традиционных и обособленных исследований в философии, психологии и других социальных науках, настороженно воспринявших идею разработки специальной области знания, исследовательскую компетенцию которой Л. Уайт связывал, прежде всего, с «научным истолкованием вещей», а не с констатацией и атрибуцией культурных реалий и событий [14, с. 74]. В контексте рассуждений Л. Уайта о статусе обосновываемой им науки о культуре также обнаруживается объяснение уместности компаративных исследований в культурологии, которая, по утверждению ученого, «предполагает детерминизм» [14], а, значит, не ограничивается философской рефлексией культуры и устанавливает причинно-следственные отношения в интерпретации ее диверсификационной сущности.

Обращение к компаративному подходу как универсальному способу постижения изучаемых предметов и явлений культуры заложено в сущности любого исследования, будь то эксплицитная сравнительная интерпретация или имплицитное использование приемов сравнения и сопоставления в целях достижения обоснованных и убедительных результатов научных поисков. Несмотря на очевидный факт существования частных сравнительных исследований, в культурологии не уделяется должное внимание теоретическому описанию культурологической компаративистики. Предлагая достаточно сложные модели культурологического знания, исследователи практически никогда не упоминают культурологическую компаративистику как направление в его структуре. В научной литературе констатируется, что компаративистика остается мало разработанной сферой социальных и гуманитарных наук и как метод познания, и как исследовательская программа.

В контексте компаративных исследований исходное определение культуры основывается на ее понимании как различенной в себе целостности и качественной определенности. Сложность системного обзора историографии и анализа содержания компаративных исследований культуры объясняется многоэтапным и многомерным развитием сравнительного культурологического знания, что выражается как в имплицитных (неявных, невыраженных) представлениях, так и специальных научных интерпретациях. Исследования, затрагивающие отдельные аспекты проблемного поля культурологической компаративистики, классифицируются по следующим направлениям:

- частные компаративные исследования, отражающие соотношение разных цивилизаций и историко-культурных эпох, современных локальных и конфессиональных типов культуры, интерпретацию сравниваемых культур как тезаурусов, позволяющих определить степень эквивалентности их категорий и языков описания;

- обоснование исследовательского потенциала сравнительного метода и определение уместности соотношения и сопоставления фактов социокультурной действительности в философском, социальном, историческом и гуманитарном знании;

- теоретическая разработка проблем диалога культур, межкультурного взаимодействия, взаимоотношения социальных групп, сравнительный подход в изучении вопросов идентичности в поликультурной среде;

- философская рефлексия межкультурных различий и выявление их детерминант, исследование генезиса и психологической природы бинарных оппозиций в культуре, осмысление их в конкретных исторических

контекстах, установление способов реализации в поведении, сравнение исторических форм рефлексии в восприятии *другого*.

Представление о компаративистике как о совокупности исследований, имплицитно предполагающих сравнение или сводящихся к специальному соотношению отдельных феноменов культуры, оказывается слишком узким и недостаточным для обоснования целесообразности использования сравнительного метода, выявления особенностей сравнительного анализа и определения роли компаративного знания в культурологии. В этой связи возникает необходимость теоретического восприятия компаративистики и ее репрезентации в научных понятиях и категориях. Обоснование статуса компаративистики в современной культурологии предполагает изучение процесса становления сравнительного знания, историческую периодизацию его развития и систематизацию содержания, выявление причин и условий дальнейшей трансформации парадигмы исследований культуры.

В обеспечении культурной памяти, хранящей многогранный опыт творческой деятельности человечества, исключительную роль играют текстуальные артефакты. По образному определению польского прозаика и литературного критика XX в. Я. Парандовского, «в жилах культуры пульсируют капельки чернил» («Алхимия слова») [11, с. 300]. Следовательно, реконструкция истоков и исторических форм развития компаративного знания становится возможной благодаря изучению и текстологическому анализу наследия книжной культуры. Текстологический подход к изучению мировой культуры позволяет выявить факты сравнительной интерпретации определенных сторон и проявлений культуры и обнаружить разные формы репрезентации исторического опыта осмысления культурного многообразия. Нарративный анализ текстов показывает, что истоки компаративного знания о культуре имплицитно прослеживаются задолго до формирования сравнительно-исторической парадигмы исследований, развивающейся с рубежа XVIII–XIX вв. в естествознании и гуманитарных науках. Преобладающей формой репрезентации компаративного опыта в памятниках письменности, включая художественную литературу, являлось сравнительное описание, в то время как сравнительный анализ рассматривается в качестве более сложного уровня компаративной рефлексии культуры и касается преимущественно сферы ее научных интерпретаций. Элементы сравнительного описания этнокультурной и религиозной среды, типичных коммуникативных характеристик народов обнаруживаются в фольклорном творчестве (сказках, легендах, преданиях, народной мудрости), исторических хрониках, летописях, дневниках и мемуарах путешественников, философских трактатах, разнообразных жанрах церковной письменности.

Философский опыт разных историко-культурных периодов и современная научная практика дают теоретическое обоснование сравнения как универсального логического приема, метода постижения и осмысления социокультурной действительности, определяют его возможности и ограничения, раскрывают и критически оценивают исследовательский потенциал, реализовавшийся в европейском философском наследии и проблемном поле частных социальных и гуманитарных исследований. Сведение компаративистики лишь к фактам применения сравнительного метода в научных поисках значительно ограничивает представления о сущности компаративного подхода в целом, поскольку сравнительный метод не исключает параллельного использования дополнительных методологических ресурсов и составляет основу парадигмы исследований культуры, оформлявшейся в разных сферах гуманитарного и социального знания и впоследствии утвердившейся в культурологии. Парадигма компаративных исследований культуры исходит из понимания культуры как эмпирической реальности, сравнительная интерпретация и абстрагированное восприятие которой позволяют делать теоретические обобщения, выражающиеся в научных понятиях компаративного знания, сформировавшихся благодаря опыту разных философских систем и научных школ [10]. Основу теоретического тезауруса компаративистики как парадигмы сравнительных исследований культуры составляют понятия и категории (общенаучные, философские, социально-гуманитарные), определяющие логическую последовательность, целевые установки и ожидаемые результаты сравнительного анализа феноменов культуры: сравнение, сопоставление, сходство, аналогия, типология, классификация, различие (межкультурное различие), детерминанты различий, культурная граница, универсалии культуры, культурный генотип, культурная диффузия, заимствование и др.

Методологическую основу компаративных исследований культуры составляют фундаментальные взаимодополняющие положения, раскрывающие следующие аспекты проблемы:

– онтологическая сущность и логика сравнения, структура и типология сравнительного анализа, философская рефлексия и содержательная интерпретация сходства, аналогий и различий (Аристотель, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, Э. Дюркгейм, Ф. Боас, А.Р. Радклиф-Браун, Э. Эванс-Причард, Т. Шидер, В.М. Жирмунский, Б. Вальденфельс, Ж. Деррида, Ж. Делез, М. Хайдеггер и др.);

– антропологический вектор сравнительных исследований (М. Монтень, В. Гумбольдт, Э.Б. Тайлор, Р. Бенедикт, М. Мид, К. Леви-Стросс, З. Фрейд и др.);

– морфологические и стилистические особенности культур и семиотическое содержание межкультурных различий (Ф.В. Шеллинг, Ф. Ницше, К. Ясперс, К.Г. Юнг, М. Вебер, Х. Ортега-и-Гассет, В. Шубарт, А. Крёбер, Э. Кассирер, Ю.М. Лотман, Р. Барт и др.);

– коммуникативная прагматика соотношения локальных и конфессиональных культур, сравнение историко-культурных эпох (М.М. Бахтин, М. Бубер, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев, Л.Н. Гумилев, Д.С. Лихачев, Н.Я. Данилевский, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглер, П.А. Сорокин, Ф. Бэбби и др.).

Прояснить сущность статуса культурологической компаративистики как парадигмы позволило рассмотрение и уточнение терминологической стороны вопроса, вносящей неясности в понимание цели, задач, объекта, предмета и содержания сравнительных исследований ввиду неадекватных метаязыков культурологического знания в западной и российской историографии и в связи с номинальным несовпадением соответствующих научных областей. Решение поднятой проблемы не могло быть исчерпано обращением только к научной традиции постсоветского пространства, декларирующей культурологию как интегративное системное знание. Апелляция к понятию *культурология* отнюдь не претендует на употребление его в качестве безальтернативного названия научной отрасли, предполагающей и практикующей сравнительную интерпретацию феноменов культуры [10, с. 228]. Западная антропология имеет богатый опыт целостного постижения культурного разнообразия мира, о чем свидетельствует многоаспектность соотносимых аспектов и ресурсов культуры, особый научный интерес к систематизации универсальных понятий и категорий культуры, изучению особенностей их функционирования в разнообразных культурных контекстах, а также связь сравнительных исследований с разработкой вопросов типологии культуры.

Термин *культурологическая компаративистика* одновременно обозначает отрасль (направление) сравнительных исследований в культурологии и характеризует методологический комплекс, охватывающий совокупность исследовательских подходов, которые дополняют компаративный метод и повышают продуктивность научного анализа. Сложность разграничения предметных полей сравнительных исследований во многих социальных и гуманитарных науках обусловлена непреложной истиной об органичной связи и невозможности полной дифференциации понятий *социального* и *культурного*. Затруднения в выделении собственно культурологического проблемного поля компаративных исследований вызваны как полисемантичностью самого понятия *культура*, так и номинальным несоответствием наук о культуре в западной и постсоветской традициях. Од-

нако соотношение распространенных тенденций культурологических исследований с устойчивыми направлениями компаративного анализа в социальных науках, философии, искусствоведении позволяет обнаружить различия между ними и обосновать оригинальность культурологической компаративистики как развивающейся научной отрасли.

Исследовательскую область культурологической компаративистики целесообразно отождествлять с *межкультурным дискурсом*, предполагающим соотношение реалий социокультурной действительности, относящихся к разным различным в себе культурным целостностям (цивилизационным комплексам, историческим, региональным, этнонациональным, конфессиональным типам культуры). Сообразность соотношения компетенции культурологической компаративистики с исследованием межкультурного дискурса аргументируется распространенным в научной литературе убеждением, что «взаимоотношения между нациями, этносами, конфессиями, между светским и религиозным сообществами принято называть межкультурными отношениями, а значит, относить к компетенции культурологии» [9, с. 258]. При этом исследовательское поле культурологической компаративистики не исчерпывается анализом дискурсов мультикультурализма и транскультуры, ставших актуальным предметом современных междисциплинарных исследований.

Соотношение компаративных традиций и анализ распространенных тенденций сравнительных исследований позволяют установить содержательные различия между сферами культурологической и философской компаративистики, несмотря на их пограничье и преемственность. Исследователи отмечают, что основным стимулом в становлении и развитии философской компаративистики являлось стремление к взаимопониманию Востока и Запада, в сближении которых первичная роль отводилась поиску аналогий в разных традициях философской рефлексии мира, т.е. компаративистика «предлагает посмотреть на историю философии как на историю диалога философских культур» [6, с. 190]. По определению А.С. Колесникова, «в локальном, внешнем смысле философская компаративистика означает выявление сходств и различий, общего и особенного в философских учениях, традициях и культурах и их типологию». Компаративные исследования представлены преимущественно сравнительным анализом современной и классической западной и восточной философии, соотношением разных направлений и течений в творчестве зарубежных философов. На этом основании вполне логично и убедительно предмет философской компаративистики обобщенно связывается с проблемами *межфилософского взаимодействия*. В то же время слишком масштабно сформулирована задача философской компаративистики (в «универсальном», «внутреннем» смысле), касающаяся «выхода

за пределы всех культурных различий к универсальности и уникальности человека» [7, с. 8–10].

Содержание многих современных публикаций позволяет заметить тенденцию репрезентации философской компаративистики в качестве универсальной метадисциплины, смело берущей на себя ответственность за масштабные задачи рефлексивного осмысления разных уровней взаимодействия в пространстве культуры (в то время как во многих отраслях социального и гуманитарного знания интенсивно развиваются профильные сравнительные исследования) [5]. В отличие от культурологической компаративистики в философии и социальных науках исследователи апеллируют к более широкому пониманию поликультурности (многокультурия), отождествляя ее с результатом «непреодолимой зависимости культуры от пола, расы, этноса, сексуальных ориентаций» [5].

Корректность сравнения и целесообразность сравнительного анализа в культурологии определяется логической допустимостью предметов соотношения и оправданностью их выбора, что, в свою очередь, обуславливается прагматическими задачами, связанными с изучением содержательной сущности культур, последующим установлением степени совместимости их генотипов и рассмотрением возможностей организации взаимных коммуникативных отношений. Еще В. Гумбольдт затронул проблему обеспечения содержательности сравнительных исследований и преодоления формального подхода в компаративных интерпретациях культуры. Для этого, по его словам, сравнительный анализ не должен сводиться к погоне за многочисленными различиями. Соотнося между собой всеобщую (физическую) и сравнительную антропологию, концептуальное отличие последней он связывал с научным интересом к «индивидуальным различиям» в культурах, для объективного выявления которых важно определение «случайных и преходящих», «существенных и постоянных» признаков, установление их детерминант и исследование содержательных характеристик [3, с. 318].

Теоретический уровень анализа межкультурного дискурса в культурологической компаративистике отражает обобщения фактов эмпирической реальности, касающихся восприятия поликультурной среды, самоидентификации ее представителей, механизмов различения культурных целостностей, степени их типологического сходства или несовместимости, способов сосуществования и возможностей взаимодействия. Теоретическая рецепция межкультурных различий в компаративистике представлена философскими, семиотическими, психоаналитическими интерпретациями культурной дистанции, онтологическая сущность которой определяется многоуровневой диверсификацией и морфологическими несоответствиями разных культурных целостностей. Трансформация методологических

подходов в интерпретации культурного разнообразия выражается в динамичности и альтернативности современных концептуальных обоснований межкультурных различий, использовании разных моделей исследования причинно-следственных отношений в объяснении особенностей жизнедеятельности и коммуникативных моделей поведения народов, благодаря чему возможно в наиболее спорных ситуациях преодоление консервативных, односторонних, идеологически ангажированных трактовок специфики культур. Фундаментальные исследования межкультурных различий представлены философским опытом рефлексии этнонациональных культур, результаты которой выражаются в разных вариантах типологии национальных темпераментов, форм эстетического восприятия, направлений творческой деятельности; классификации морфологических и харизматических характеристик; конструировании культурных генотипов.

Полнота понимания *другого* как информационного целого, характер взаимной расположенности или отчуждения культур во многом определяются степенью совпадения их тезаурусов, раскрывающих морфологические и семиотические особенности взаимодействия. Соотношение и сопоставление тезаурусов разных культур позволяет определить степень соизмеримости их ценностей. Очевидно, что культурная информация, учитываемая при восприятии другой культуры, не ограничивается рациональными представлениями и включает чувства, эмоциональные образы и оценки. Следовательно, способность к чувствительности имеет существенное значение в толерантном отношении к другим культурам и выражается через понятие *сенсibilität* (от лат. *sensibilis* – ‘чувствительный’). По определению М.М. Бахтина, корреляция образных категорий *я* и *другого* является «формой конкретного переживания действительного человека» [1, с. 39]. Толерантность как условие межкультурного взаимодействия предполагает критическое отношение к своей и чужой культурам и поэтому сопровождается селекцией коммуникативных возможностей и стратегий, выражающейся в дифференциации и окончательном выборе моделей коммуникации, благоприятствующих или препятствующих общению.

Главным основанием для расколов и вражды между различными культурными кругами и отдельными нациями З. Фрейд считал культурные идеалы, которые вместе с нравственностью и художественными ценностями обеспечивают некое чувство удовлетворения в культурной среде и являются существенным критерием в определении ее своеобразия («Будущее одной иллюзии»). По его определению, подобное удовлетворение имеет «нарцисстическую природу» и порождается «гордостью удаchi достижения», а стремление соотносить свое культурное окружение с другими культурами объясняется потребностью «восполнения этого удовлетворе-

ния» [15, с. 488]. Следовательно, осознание различий в идеалах «побуждает каждую культуру признавать за собой право презирать другие» [15, с. 488]. Подобная интерпретация взаимного восприятия разных культур оставляет необъясненными факты отчуждения народов и культур, имеющих незначительные различия. В работе «Психология масс и анализ человеческого Я» З. Фрейд указал на случаи отторжения и недоброжелательного соперничества между соседними городами, а еще хуже – «близкими между собою народными ветвями» [15, с. 446–447]. Теория психоанализа объясняет причину противоречий и напряженных отношений внутри одной культурной целостности, между генетически и территориально связанными культурами продолжительной эмоциональной связью, несущей в себе «осадок отвергающих враждебных чувств, которые не доходят до сознания лишь вследствие вытеснения» [15, с. 446] (т.е. в отношениях всегда присутствует вытесненная враждебность). Получается, что содержательная сущность межкультурных различий не является абсолютным фактором взаимной неприязни народов и противостояния культур.

Существует мнение о косвенной причастности сравнения и сравнительного анализа к изучению межкультурных контактов, в котором выражается слишком формальное и одностороннее представление о сущности и задачах научной интерпретации коммуникативных процессов в пространстве культуры [8, с. 303]. Среди многих аспектов изучения конкретных фактов межкультурного взаимодействия особенно важным является теоретическое конструирование межкультурного диалога и прогнозирование его результатов, что составляет начальный этап исследования проблемы и предполагает сопоставление субъектов коммуникации, установление степени их совместимости на основе выявления сходства и контрастных характеристик. К тому же анализ результатов межкультурных контактов, обнаруживаемых в фактах культурных изменений, трансформаций, адаптации заимствований в иной культурной среде, предполагает определение их направления, характера и качества путем соотношения элементов воздействующей и воспринимающей культуры.

В.С. Библер высказал тревогу о нарастающей девальвации понятия *диалог культур*, вызванной его неоправданным использованием и выражающейся в том, что любое соотношение историко-культурных эпох или, по его словам, «вообще всего со всем», «подводится под шапку диалога культур» («О логической ответственности за понятие «диалог культур») [2, с. 205]. Он считал, что вместо ожидаемого в идеале «обнаружения определенного поля диалогического сопряжения» сама идея общения или взаимодействия культур сводится к их сопоставлению, в результате чего понятия *культура* и *диалог* «оказываются лишь условными и безответственными метафорами» [2, с. 205]. В качестве обязательного условия диа-

лога философ рассматривал «лакуну» (пустоту между культурами), образующую «*ничейное поле* (курсив наш. – А.П.), через которое идет переключка культур» [2, с. 210–211]. Рассуждения В.С. Библера бесспорны, если речь идет о диалоге по вертикали, поскольку обращение к опыту и потенциалу другой культурной эпохи всегда обусловлено прагматическими мотивами и компенсаторными стремлениями. Однако не факт, что понятие диалога между культурами в одном временном пространстве, т.е. по горизонтали, обязательно предполагает некое духовное обогащение за счет ресурсов и ценностей другой культуры. Разные генотипы, морфологические конструкции и ценностные доминанты культур могут обуславливать неуместность подобного взаимодействия или вообще исключать его возможность. При этом никто не сомневается в потребности установления и поддержания диалога между такими непохожими типами культуры, как западный христианский, арабо-мусульманский, азиатско-буддийский и др. Следовательно, онтологическая сущность культурного диалога не исчерпывается исключительно прагматическими основаниями и оправданиями и раскрывается в необходимости обеспечения конструктивного и самостоятельного сосуществования культур.

Опыт разных периодов развития культурологической компаративистики подтверждает неизменный интерес к прикладным направлениям сравнительных исследований, рассчитанных на возможность применения их результатов в сфере межкультурного и межличностного взаимодействия. Заметные тенденции культурной диверсификации в современном обществе, значительно усиливающиеся под влиянием миграционной активности и информационной мобильности, обуславливают приоритетность в культурологической компаративистике теоретических разработок, ориентированных на практическую организацию коммуникативных процессов, конструирование проектов межкультурного диалога, обеспечение его результативности. В этой связи компаративное знание не ограничивается отвлеченными построениями культурных различий и оказывается особенно востребованным в образовательной среде, поскольку составляет основу комплексных компетенций межкультурного взаимодействия, усваиваемых в разных формах специального обучения и путем неформальной подготовки к межкультурной коммуникации. Прикладной потенциал культурологической компаративистики состоит в возможности экстраполяции теоретико-методологических и эмпирических ресурсов исследований в образовательное пространство с целью подготовки к практике взаимодействия. При этом следует учитывать ставшее истиной утверждение, что эффективность моделей коммуникативного поведения определяется не количественной и даже не технологически качественной организацией педагогического процесса, а зависит от объединенных способностей социокуль-

турной и образовательной среды обеспечивать непрерывное формирование соответствующей парадигмы мышления.

В последнее время особенно возрос интерес к сравнительным исследованиям культурной идентичности. Несмотря на явный перевес публикаций, касающихся философской интерпретации социокультурного разнообразия идентичностей, отдельные из них затрагивают межкультурный аспект их соотношения и проблемы взаимодействия в мультикультурном обществе, раскрывают содержательную сущность цивилизационной идентичности. С позиций компаративистики, подходы многих исследователей к дифференциации разных типов идентичности в поликультурном пространстве достаточно спорны и противоречивы. По характеру содержания различают гетерогенный и гомогенный типы идентичности, а по уровням – персональную и групповую [13, с. 31–32]. Вполне логично, что главное различие между личностной и социальной идентичностями исследователи видят в том, что первая является самоосознанием человеком своего отличия от других, а вторая – осознанием сходства с некоторыми из них [16, с. 46]. Этническая идентичность, причисляющаяся наряду с политической к разновидностям социальной идентичности, определяется как гетерогенная на основании того, что включает в себя разные духовно-ментальные формы (язык, психотипы индивида, архетипы культуры, стереотипы поведения) и маркеры материально-вещественного плана (хозяйственного быта, расово-антропологического плана, костюма, кухни). В то же время совсем неясно, почему религиозная идентичность, классифицируемая как контекстно-индифферентная [13, с. 31–32], относится к гомогенным типам, в то время как идентичность разных категорий верующих в контексте многочисленных конфессиональных направлений, например христианства, не может быть однородной. В свою очередь за пределами подобной классификации оказалась национальная идентичность, поскольку есть основания для ее размежевания с этнической идентичностью по тем же критериям относительной однородности и разнородности.

Гетерогенность содержания национальной культуры, представленной разными этническими традициями, усложняет, если вообще не исключает, попытку конструирования национального характера на основе обобщения типичных моделей индивидуального и социального поведения исключительно представителей титульного этноса. Нельзя не согласиться с мнением, что национальный характер следует определять в полярных доминантах, поскольку «формула нации» дуалистична и монистическое изображение коллективной души искажает понимание ее сущности [12, с. 166].

Утрату культурной средой национально-этнической идентификации под влиянием массовой культуры современные исследователи определяют понятием *культурная гомогенизация*, характеризующим стандартные мо-

дели поведения и образа жизни представителей разных стран и регионов [4, с. 240]. Термин *периферийная коррекция* обозначает результат смешения общих и локальных особенностей культуры в условиях глобализации. Делая особым предметом постмодернистской рефлексии *личность и культуру без центра*, философия отражает кризис идентичности и утрату собственного стиля. Таким образом, постмодернистское понятие *след* воспринимается в качестве экзотического символа в пространстве современной культуры, поскольку выражает рефлексии национальных особенностей культуры как воспоминание о ее прошлом [4, с. 240]. Синергетическая концепция культурной динамики дает основание для интерпретации современного состояния многих национальных культур в условиях глобализации и глокализации как ситуации бифуркации, определяющей неустойчивость их положения и непредсказуемость дальнейшего развития. В то же время синергетическая теория рассматривает разнообразие культуры как важное условие обеспечения ее устойчивости.

Трансформация парадигмы сравнительных исследований культуры, составившей основную методологическую модель западной антропологии, выражалась в ее последующей проекции в сферу формирующихся и развивающихся специализированных отраслей социального и гуманитарного знания и адаптации к их собственным предметным областям, научным проблемам и задачам. Организация междисциплинарных компаративных исследований социокультурных феноменов отличается интеграцией разных методологических подходов и активным привлечением извне эмпирических и теоретических ресурсов. Проблематика компаративных исследований в современной культурологии отражает восприимчивость к процессам и результатам глобализации и интеграции в мировом пространстве, что подтверждается заметным смещением научных интересов из плоскости диахронической интерпретации культур (сопоставления древних цивилизаций, сравнения разных историко-культурных эпох) в область синхронического соотношения локальных и конфессиональных культур. В этой связи основное внимание переносится на выявление морфологических и структурно-функциональных изменений в среде национальных культур, исследование процессов трансформации этнокультурных традиций и определение их статуса в современном обществе, изучение разнообразных аспектов и способов сосуществования и взаимодействия культур в одном временном пространстве. Статус культурологической компаративистики в современном научном знании определяется ее функционированием в рамках синкретичной парадигмы, которая выражается в естественной интеграции методологического потенциала, общности проблем и задач философских, антропологических, социологических, психологиче-

ских, религиоведческих исследований и наиболее соответствует сущности культуры как предмету многоаспектного изучения.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. Библер В.С. На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
4. Иконникова С.Н. Сценарии культурной политики в условиях глобализации // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск I. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 233–240.
5. Колесников А.С. Мировая философия в эпоху глобализации. М.: Northern Cross, 2009.
6. Колесников А.С. Философская компаративистика и диалог культур // Россия и Грузия: диалог и родство культур: сборник материалов симпозиума. Выпуск 1 / под ред. В.В. Парцивания. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 185–205.
7. Колесников А.С. Философская компаративистика: Восток-Запад: учеб. пособие. СПб.: СПбГУ, 2004.
8. Лучицкая С.И. Сравнительный метод в истории: взгляд из Германии (достижения и перспективы немецкой компаративистики) // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы: сборник статей / отв. ред. М.Ю. Парамонова. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 302–318.
9. Никифорова Л.В., Рудакова, Е.А. Культурологическая экспертиза. Что думают о ней внутри и вне культурологического сообщества // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск I. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 257–262.
10. Павильч А.А. Становление и трансформация статуса культурологической компаративистики. Минск: МГЛУ, 2011.
11. Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни. М.: Правда, 1990.
12. Пивоев В.М. «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: проблемы идентификации // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск I. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 162–175.
13. Тхагапсоев Х.Г. Проблема идентичности в когнитивно-эпистемологической системе культурологии // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск I. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 26–35.

14. Уайт Л.Э. Наука о культуре // Мир культуры и культурология: Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Выпуск I. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2011. С. 69–78.
15. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2006.
16. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008.